

Дни текли в странном, зыбком равновесии. Си Юй был заперт в этой комнате, напоминающей роскошную птичью клетку. Первое, что он делал, проснувшись, — проверял, находится ли Цзинлю в поле зрения. Эти алые глаза, скрытые за повязкой, стали источником его ночных кошмаров и в то же время той повседневностью, с которой приходилось мириться каждое утро.

Рассвет всегда наступал внезапно. Си Юй ещё не успевал до конца согреться под лисьим мехом, как слышал тихий скрип дверных петель, а затем — шаги Цзинлю. Холодный, свежий аромат приближался первым, проникая сквозь прутья клетки. Она никогда не заговаривала, просто стояла снаружи, глядя на него сквозь чёрное дерево. Её взгляд напоминал осмотр чудом обрётённого сокровища или проверку того, не исчез ли он в воздухе. Каждый раз от этого пристального внимания Си Юй цепенел, девять белоснежных хвостов невольно переплетались, а уши прижимались к голове; он боялся даже дышать слишком громко. Однажды, обессилив от усталости, он отвернулся, но тут же услышал звонкий стук пальцев по прутьям. Звук был размеренным, но отозвался в самом сердце:

— Повернись и смотри на меня.

В её голосе не было гнева, лишь непрекращаемое давление. Си Юй был вынужден подчиниться, встречаясь взглядом с пугающими алыми глазами. Лишь когда Цзинлю оставалась довольна и отводила взор, он осмеливался перевести дух.

Впрочем, угрозы Цзинлю не ограничивались одним лишь взглядом. Порой она оставляла на столе перед клеткой длинный меч с ледяными узорами на ножнах. Холод, исходивший от оружия, просачивался сквозь прутья, заставляя Си Юя дрожать.

— Знаешь, как называется этот меч? — спрашивала она, поглаживая рукоять, в то время как в её глазах отражался холодный блеск клинка. — Когда-то давно кто-то хотел забрать тебя у меня, и именно им я заставила тех людей навсегда остаться в снегах.

У Си Юя холодело внутри. Он не знал, правда ли то, о чём она говорила, но не смел подвергать её слова сомнению. Он лишь сильнее кутался в меха и отрицательно качал головой. Цзинлю тихо усмехалась, и в этом смехе сквозил холод:

— Не бойся. Пока ты ведёшь себя послушно, он не будет направлен на тебя.

Но меч, подобно дамоклову, висел над ним, не давая покоя даже во время еды.

Странно, но Цзинлю никогда не причиняла ему настоящего вреда, более того, к его кормлению она подходила с поразительной тщательностью. Меню никогда не повторялось: утром — нежные паровые пирожные на молоке с тонким слоем сахарной пудры, тающие во рту; в полдень — янтарный суп из семян лотоса, мягких и в меру сладких; вечером — лёгкий грибной бульон с воздушными рисовыми лепёшками. Даже посуда была из изысканного белого фарфора с золотой росписью, из-за чего Си Юй порой чувствовал себя не пленником, а почётным гостем. Однажды от волнения он пролил горячий суп на руку и невольно зажмурился от боли. Не успел он опомниться, как Цзинлю уже протянула ему полотенце, смоченное в холодной

воде. Её движения не были нежными, но в них сквозила едва заметная суета.

— Почему ты такой неосторожный? — спросила она.

Её алые глаза, устремлённые на покрасневшую кожу, на мгновение утратили свою одержимость, сменившись чем-то сложным и непонятным. Си Юй замер. Когда он взял полотенце, его пальцы случайно коснулись её руки, и он поразился тому, что кожа Цзинлю была холоднее воды — словно лёд.

Со временем Си Юй начал замечать её привычки. По вечерам она снимала повязку и садилась на кушетку у окна с пожелтевшей книгой в руках, которую почти не читала, предпочитая смотреть на закат. В такие моменты давление, исходящее от неё, ослабевало, а в алых глазах отражались оранжевые всполохи неба, придавая им странную мягкость. Как-то раз, набравшись смелости, Си Юй тихо спросил:

— Почему... почему ты держишь меня здесь?

Цзинлю замерла. Она не обернулась, и её голос прозвучал так легко, будто его мог унести ветер:

— Только так ты больше не сможешь уйти от меня.

Си Юй хотел спросить что-то ещё, но Цзинлю резко повернула голову. Мягкость в её глазах мгновенно исчезла, сменившись прежним ледяным холодом:

— Не спрашивай о том, о чём не следует.

Он тут же прикусил язык, хвосты снова плотно сжались, а любопытство, едва успевшее зародиться, вновь было подавлено страхом.

Ночью в комнате было тихо, лишь изредка доносилось стрекотание насекомых за окном. Си Юй, свернувшись в мехах, укрылся своими девятью хвостами и смотрел на кристаллы под потолком клетки. Он не знал, как долго это продлится и почему система молчит с того самого момента, как его схватили. Цзинлю оставалась для него загадкой: её угрозы пугали, но редкие проявления заботы сбивали с толку. Он погладил свои короткие белые волосы и перебрал пушистые хвосты, чувствуя полную растерянность. Он был обычным человеком, случайно попавшим в этот мир — почему же он оказался втянут в столь запутанную историю?

Когда он уже почти засыпал, снаружи послышался лёгкий шорох. Си Юй резко открыл глаза и увидел Цзинлю. Она стояла у клетки, держа в руках аккуратно сложенную лунно-белую накидку, расшитую серебряными нитями в форме лисиц — точно такими же, как на его одежде.

— Ночью холодно, укройся, — сказала она, осторожно просовывая накидку сквозь прутья.

В её движениях не было дневной властности. Си Юй в нерешительности принял подарок. Коснувшись мягкой ткани, он ощутил странное, необъяснимое чувство. Он проводил взглядом уходящую Цзинлю, чьи алые глаза слабо светились в темноте. Лишь когда дверь тихо закрылась, он укрылся накидкой. От неё всё ещё исходил холодный аромат Цзинлю, смешанный с теплом его мехов, и благодаря этому та ночь прошла для него почти без кошмаров.

<http://bllate.org/book/20757/2081626>